

От переяславской рады к конфликту из-за Тузлы

350-летие Переяславской Рады - невеселый юбилей для России и Украины. Для России это - лишнее напоминание о том, как в одночасье рухнуло великое русское государство, собиравшееся веками. Для Украины - лишнее напоминание об исторической «ловушке», о том, что почти состоявшееся независимое казацкое государство попало под железную пята Москвы. Год Переяславской Рады проходит под аккомпанемент незатухшего еще конфликта из-за Тузлы, в котором предельно ярко проявляется вся болезненность российско-украинских отношений. Если бы не сознание нашей очевидной слабости перед Западом и не страх «мировой полиции», мы вполне могли бы (и это уже - далеко не первый раз за постсоветский период) «завести себя» до такой степени, чтобы началась российско-украинская война. Откуда же эта болезненность наших отношений, та легкость, с которой наши страны переходят от заверений в любви и дружбе к озлобленным истерикам, возникающим буквально на пустом месте?

Внешняя политика - сфера общественной жизни, в которой больше, чем в любой иной, внешняя рациональность прикрывает глубокую иррациональность и примитивность лежащих в основе ее мотивов и импульсов. Рассуждения о «национальных интересах», геополитике и т.д. скрывают структуру отношений, аналогичную структуре отношений, скажем, соседей в коммунальной квартире или в деревне, сослуживцев или членов большой семьи. Примитивные эмоции, вроде зависти, всякие «комплексы неполноценности», раздражения и т.п. в отношениях между государствами играют ничуть не меньшую роль, чем в отношениях между индивидами (может быть, даже большую, ибо более искусно прикрываются). Примитивность - не значит простота, легкость для понимания. Отношения соседей в коммунальной квартире тоже могут обладать крайне сложной структурой, и для того, чтобы понять ее, могли бы требоваться знания психолога и психоаналитика. Российско-украинские отношения - очень сложные. Но понять их легче, исходя не из псевдорациональности «национальных и государственных интересов», а из аналогии со структурами отношений индивидов, знакомыми нам по повседневной жизни.

У России есть «сложности» в отношениях со всеми бывшими республиками СССР. И это - совершенно естественно. Есть реальные «конфликтогенные» проблемы, связанные с необходимостью делить общее советское наследие (например, определить границы в Азовском море). Но эти «конфликтогенные» проблемы осложняются «конфликтогенными» эмоциями. Распад СССР, новой ипостаси Российской империи, к которому Россия психологически не была подготовлена, означал внезапное и резкое падение ее статуса и столь же внезапное превращение бывших республик СССР, которые фактически были окраинными частями России, в независимые государства, обладающие равным с Россией статусом. Психологически это - крайне болезненная ситуация, аналогичная внезапному превращению большого начальника в рядового сотрудника. Для бывшего начальника всегда очень трудно выстроить новую систему отношений с бывшими подчиненными. Он может надеяться, что понижение - временное, и он снова вернется к прежнему статусу. У него сохраняются старые привычки командовать. Он цепляется за иллюзии своей значимости и легко становится жертвой тех, кто поддерживает эти иллюзии в обмен на его вполне реальные услуги. В то же время у него развивается подозрительность, ему кажется, что все теперь стараются унижить его, показать ему, что теперь он - никто. И многие бывшие подчиненные действительно рады его унижить, многих возмущают его начальнические манеры, теперь уже не соответствующие реальному положению, многие стремятся избавиться от своей глубоко укоренившейся привычки смотреть на него снизу вверх и компенсируют приниженность,

от которой они так и не смогли избавиться, хамством. Эта «модель», я думаю, наиболее адекватно объясняет общую структуру отношений на постсоветском пространстве. Но в каждом конкретном случае отношения - своеобразны. И самые болезненные от ношения у бывшего начальника, России, - с одним из бывших подчиненных, Украиной.

Особая болезненность этих отношений связана с их особой близостью. Украина - не просто одна из республик, ранее подчиненных Москве и России, но это - почти Россия, наш самый (наряду с Белоруссией) близкий родственник, «младшая сестра». Метафора-модель «сестер» или «братьев» к нам вполне подходит, если только исходить не из идеала отношений сестер или братьев, а из реальности, в которой отношения очень близких и связанных друг с другом людей могут быть значительно труднее, напряженнее, болезненнее, чем отношения с совсем чужими.

Переяславская Рада не была объединением Украины и России или присоединением Украины к России просто потому, что в XVII веке не было современных понятий наций и национальных государств. Представление о том, что все люди принадлежат к каким-то национальностям, каждая национальность имеет свой язык и свою территорию, а также «право на самоопределение», - значительно более позднее. Оно не могло существовать в обществе, где не было массовой печати и массового обучения грамоте, которые предполагают единый литературный язык, и ответа на вопрос: что это за язык и как он называется. Естественно, что «великороссы», этническое ядро Российского государства, находились в условиях, неизмеримо более благоприятных для превращения в современную нацию, чем близкие к великороссам, обладающие неопределенным этническим самосознанием («ту-тейшие») окраинные этнические группы, чей разговорный язык и культура отличались от языка и культуры населения имперского центра. При этом, строя современную нацию, нацию грамотных, русские (великороссы) естественно стремились максимально расширить ее границы. И если бы в XIX веке Россия была более развитой и демократической страной, способной, например, организовать массовое школьное обучение «правильному русскому языку» на всей территории империи или хотя бы на украинских и белорусских землях, украинцев могла бы постигнуть судьба провансальцев и других этнических общностей, растворившихся во французской нации. Идея украинского языка как особого языка и украинцев как особой нации (в конечном счете предполагающая и национальную независимость) возникает относительно поздно, и ее распространение и в конечном счете победа прямо связаны с неудачей «проекта» единой русской нации, включающей украинцев и белорусов. Неудачей, с которой русскому сознанию было очень трудно смириться.

Само появление украинцев, людей, считающих себя членами особой, отличной от русских и равной русским нации, говорящими не на простонародном местном диалекте, но на особом языке, для русского сознания было «историческим недоразумением». В утверждении этих нации и языка, когда так легко говорить на русском и когда никто не дискриминирует украинцев, а воспринимает их как тех же русских, виделось нечто искусственное, надуманное. Как сказал один русский деятель начала XX века: «Украинцы - не нация и не народность, а одна из русских политических партий». И здесь не надо видеть какого-то особого свойственного русским шовинизма. Даже сейчас и даже нации с громадными демократическими традициями, французам, очень трудно согласиться с тем, что корсиканцы, которых они так и не успели до конца «растворить», - не французский «субэтнос», а нация, и их язык - не диалект, а именно язык.

Большевики, стремясь перетянуть на свою сторону все националистические движения окраин империи, зафиксировали существование украинцев как особой нации и Украины как особой страны, теоретически имеющей равный с Россией статус союзной республики.

Но «нормальное» историческое русское сознание и русское отношение к украинцам было прочнее и сильнее, чем интернационализм марксистско-ленинской идеологии. Русское сознание могло признать, что есть такой народ - украинцы, но «не до конца». Если Украина и есть, то только в качестве «младшей сестры» России, неразрывно, навеки связанной с ней со времен приобретшей квазисакральное и «мистическое» значение Переяславской Рады. Как и в Российской империи, в СССР не существовало дискриминации украинцев как индивидов (подобной дискриминации, например, евреев), поскольку они и не воспринимались как представители особого народа, но любые проявления украинского патриотизма и национализма рассматривались как нечто страшное. В сознании каждого русского имени Мазепа, Петлюра, Бандера до сих пор звучат почти как имена дьяволов.

При подобном отношении русских к украинцам, легкости их принятия как равных (при условии их согласия с ролью «практически русских»), близости украинского и русского языка и культур, относительной неразвитости «высокой» украинской культуры (культура имперского центра и имперской элиты, естественно, выше, чем культура периферии, основанная на «крестьянском» языке) и слабости украинской государственной традиции русификация украинцев в СССР шла легко и быстро. В этой ситуации поддержание «украинскости», спасение от русификации требовали от «национально сознательных» украинцев постоянных волевых усилий. Надо было поддерживать язык, который легко забывался в русской и русифицированной среде, говорить по-украински даже тогда, когда легче говорить по-русски, все время помнить, что ты - не русский. Но у русских это лишь усиливало ощущение «искусственности» украинской нации.

Как русское сознание не приняло и модифицировало раннебольшевистскую идею украинцев как равноправной с другими социалистической нации, так оно не может принять до конца новый статус Украины как независимого государства. Распад СССР вообще произошел не по воле русских, их сознательному решению, подобному сознательному отказу англичан от империи, и до сих пор не принят до конца русским сознанием. Но тем более это относится к новому статусу Украины. Даже если он принимается «умом», он не принимается «сердцем». И это естественно. При громадной степени русификации Украины любые шаги на пути национального строительства означают наступление на русский язык, русскую культуру и русскую интерпретацию истории. Если распространяется украинский, значит, отступает русский. Если Мазепа - герой, значит, Петр - палач. А если Бандера - герой, то «за что мы кровь проливали?». И любые проявления государственной самостоятельности Украины, ее устремление в Европу, воспринимаются как стремление уйти от нас, от своих братьев. Все это порождает истерические вспышки, подобные возникшей из-за Тузлы. Придурковатый губернатор, затеявший строительство дамбы, может быть, совершенно искренне считал, что эта дамба - мост дружбы, по которой братья (старшие) хотят прийти к младшим, а те встречают их чуть ли не пулеметами.

Этот комплекс отношений - очень прочен, и нет никаких сомнений, что впереди нас ждет еще много вспышек, подобных вспышке из-за Тузлы. Для того чтобы наши отношения стали «нормальными», нужно время и привычка. Нужна смена поколений и приход к зрелости и власти поколения русских, с детства знающих, что Киев - столица соседнего государства, и украинцев, знающих, что Киев - столица их государства, а Москва - столица соседнего.

Переяславская Рада не была решением украинского народа отныне навеки влиться в русский народ или стать его младшим братом. Но при иных, несостоявшихся вариантах истории (хотя бы просто не будь Первой мировой войны, или произойди она лет на 20-30

позже) украинцы, действительно, могли бы раствориться в единой русской нации (которая сама при этом стала бы иной, чем сейчас). Очевидно, могли быть и другие, противоположные варианты, при которых Украина уже давно была бы независимым государством. Но есть то, что есть. Есть независимая Украина, и в современном мире «переиграть» это уже невозможно. В некоторых аспектах Украина (не отягощенная, как Россия имперским прошлым, мешающим адаптироваться к новой ситуации) развивается быстрее, чем мы. К полноценной демократии она значительно ближе нас. Через какое-то время она станет членом Европейского союза и НАТО. И уплывет окончательно. И есть только один вариант, при котором формула «навсегда вместе» может неожиданно приобрести новый смысл и претвориться в жизнь. Это может произойти, если Россия окончательно отрешится от иллюзии возвращения имперского величия, если она станет демократической страной и тоже когда-нибудь войдет в ЕС и НАТО или те структуры, которые придут им на смену. Тогда мы встретимся «по ту сторону» границы, отделяющей развитый демократический мир от сумеречной зоны мира развивающегося и «недоразвитого», и снова будем навсегда вместе. Сейчас это выглядит нереальным (для кого - прекрасной утопией, для кого - кошмаром). Но еще лет 15 назад само появление независимой Украины казалось для кого - утопией, для кого - кошмаром.